

ДАНИЭЛЬ
БРЭЙН

Ничего личного,
ПРОСТО РАЗВОД

Даниэль Брэйн

Ничего личного, просто развод

«Автор»

2024

Брэйи Д.

Ничего личного, просто развод / Д. Брэйи — «Автор», 2024

Я растерянно смотрела на две полоски.— Ты вот так сообщаешь, что мы разводимся? У моего мужа — огромное состояние и роман на стороне, а у меня — диагностированное бесплодие и неденежная любимая работа. У него — планы сохранить нашу семью, а у меня — решимость начать все сначала. Вряд ли выйдет, потому что на горизонте появляется перспективный клиент — из тех, кого хочется обойти десятой дорогой, но он хорошо платит — и проявляет ко мне далекий от профессионального интерес. И пока я пытаюсь справиться без потерь, жизнь нахально иронизирует: «Прекрасные принцы кончились, козлы остались, пойдет?»

© Брэйи Д., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	19
Глава 7	22
Глава 8	24
Глава 9	26
Глава 10	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Даниэль Брэйи

Ничего личного, просто развод

Глава 1

Я растеряннo смотрела на две полоски.

– Ты вот так сообщаешь мне, что мы разводимся?

У меня даже мысли не возникло, что это розыгрыш. Марк не похож на шутника и никогда им не был. Серьезный, вдумчивый, вечно занятый, а когда не занятый, порядочный семьянин...

Семьянин, но есть одно «но». Две полоски сами по себе не заводятся. Я вздохнула – хотела полной грудью, но тело свело непонятной судорогой, и получился страдальческий всхлип. Не так бы я хотела реагировать на измену. Вскочить, кричать, дать пощечину человеку, который вдруг посчитал, что со мной можно поступать как с последним ничтожеством, но... вместо бури в душе – ледяная пустыня. Антарктика.

Я крутанула на столе смартфон, на экране которого погасло убившее меня морально фото, и подвинула его к мужу.

– Юля... Ты же все понимаешь, – хрипло сказал Марк и скривил губы. Я кивнула и посмотрела ему в глаза – без страха, без стыда и что он еще хотел у меня этой репликой вызвать.

Два года лечения. Три неудачных ЭКО. Каждый врач ставил свой диагноз и начинал меня лечить, и когда надежда вот-вот подкрадывалась, когда я себе позволяла наконец свободно вздохнуть, отпустить ситуацию, положиться на докторов – или на провидение, если доктора не помогут, случалось... то, что случалось. И мне казалось, Марк понимал, поддерживал, уговаривал не сдаваться, а вышло как вышло.

Может быть, вышло случайно. Я хорошо понимала, что при его напряженной работе он вряд ли целенаправленно искал мать своего будущего ребенка.

– И кто она? – спросила я, все еще не отводя взгляда, и Марк сдался. Он встал, отошел к кофемашине, запикал кнопками, а я сидела, ловила звуки с улицы – смех подростков на тренажерной площадке, жужжание ворот, впускавших припозднившиеся автомобили, негромкую музыку из чьего-то распахнутого окна, и вдыхала запах, поплывший по нашей кухне.

Марк все не отвечал, а я не настаивала. Наверное, разницы не было никакой в том, кто сменит меня в этом доме. Или не в этом, квартира будет другой, но даже если Марк решит оставить мне это жилье, я буду с ним не согласна. Не хочу, чтобы все вокруг напоминало мне о шести годах разбитого вдребезги брака.

Все было почти хорошо. Кроме ребенка, которого я никак не могла зачать.

– Юля, – Марк повернулся, держа в руке крошечную фарфоровую чашку – ристретто, значит, он и сегодня планирует сидеть допоздна, или точнее, до рассвета, – кто она, значения не имеет. Я показал тебе это для того, чтобы никто не мог подставить меня, понимаешь? Полная честность между нами, ты помнишь?

– Кристальная, Марк, – усмехнулась я, все еще прислушиваясь к себе и своим ощущениям. Ничего – ни боли, ни чувства предательства, вот точное слово – разочарование. Будто я развернула долгожданный и выстраданный подарок, а там ерунда, одноразовые платочки, три пачки. И нет, не обида, пока что еще не она. – Ты хоть сам осознаешь, что ты сделал? Помимо того, что ребенка на стороне? Ты меня взял и смешал с грязью!

Я поймала себя на том, что мне хочется вскочить, выбить у него из рук эту дурацкую чашку, чтобы на белоснежной даже после целого рабочего дня рубашке осталось пятно. Горячий, обжигающий кофе, а пятно – словно метка.

– Юля, не драматизируй, – недовольно попросил Марк.

– «Драматизируй»? – сквозь зубы передразнила я. – То есть другая женщина для тебя – что? Просто секс? На один раз? А о последствиях ты как студент третьего курса не подумал?

Марк, похоже, заподозрил, что подо льдом просыпается гейзер, и сел напротив меня. Разумно, потому что через широкий стол я никак не могла до него дотянуться.

– Бывает, – отозвался он с деланным равнодушием. – Послушай, ровным счетом это ничего не изменит. Я же не собираюсь ей платить двадцать пять процентов дохода, это смешно. Договорюсь на сто пятьдесят тысяч в месяц с учетом инфляции, плюс тысяч двести на летний отдых с ребенком. Ну потом, лет через пятнадцать, тысяч триста на репетиторов в год.

– Ты уже все распланировал. Ну ты и дрянь.

Гейзер обдал меня болезненной горячей вспышкой. Даже не потому, что Марк изменил. Не потому, что заделал ребенка. А потому, что успел рассчитать все на девятнадцать лет вперед и сейчас ставил меня в известность, словно речь шла о чертовых инвестициях.

– Юля, мы не заметим эти сотни! – Марк повысил голос. – Не дури, если бы ты жевала лебеду и одевалась на помойке, а я бы взял любовнице в кредит смартфон за сотню тысяч, твои оскорбления имели бы смысл. Но ты же ни в чем не нуждаешься, ни в чем. Какой развод, разве я заикнулся о разводе? Я не собираюсь с тобой разводиться, даже пусть...

Он замолчал и присосался к чашечке. Понятия не имею, что он пытался выжать из нее, ристретто уже закончился.

– Договаривай, – злобно приказала я. – Даже пусть я бесплодна? Даже пусть – что еще?

– Ты умная, спокойная, без задвигов, – пожал плечами Марк. – Другая бы уже перебила стекла в этой квартире и принялась за соседские. Я уже не говорю о том, что у тебя нет манеры собираться по три часа, устраивать вселенскую трагедию из-за сломанного ногтя или, не дай бог, из-за того, что в ресторане другая баба в такой же шмотке. Ты идеал, Юля, как жена. А дети... – Щека у него дернулась, он облизал губы, поставил чашечку. – Как вариант, я договорюсь с ней, и, возможно, она откажется от ребенка. Мы его усыновим. Если ты, конечно, захочешь.

Я отказывалась верить тому, что слышу. Еще раз судорожно всхлипнув, я провела ладонью по лицу, размазывая макияж, который стоически вытерпел день под солнцем, и откинулась на спинку стула.

– Ты в свое уме? – спросила я придушенно. – Ты здоров? Ты изменил, ты зачал ребенка, ты хочешь сохранить брак, а чтобы никто не чувствовал себя обделенным, собираешься – о господи! – выкупить ребенка у матери? Или что? Как ты себе это представляешь? По закону – ладно, морально? Ты вообще человек или тебя подменили? Ты робот с поехавшей напроць программой? Ты болен, это какой-то вирус? Или ты просто конченный подлец, а я жила с тобой шесть лет, об этом не подозревая?

Если бы у меня не начало резать горло, я не поняла бы, что я наконец ору как умалишенная, и если бы не защипало глаза, до меня не дошло, что я реву как обиженный старшим ребенком малыш. Но, кажется, я этого и хотела – нормальной человеческой реакции на скотство, а не проявление профессионализма, который я забыла оставить на работе.

– Иди к черту, – я вскочила, схватила со стола свой телефон. – Ты не собираешься разводиться – я разведусь. И у тебя не пройдут со мной эти шутки – «я развода тебе не дам». Надоест твоя новая... пассия, с ней попробуешь этот цирк. Завтра я позвоню Ларисе, она соберет все мои вещи и драгоценности. Предупреждаю, чтобы ты не вздумал обвинить ее в воровстве.

Я выскочила в холл, сунула ноги в лоферы, схватила куртку – уже прохладно, несмотря на жаркие дни, ночью уже хватало сырости, а может, это меня затопило ознобом, – сумку, и почувствовала, как Марк перехватил ее за длинную ручку.

– Ну нет, – спокойно сказал он, глядя мне прямо в глаза. – Уйдешь ты отсюда, как и полагается – как пришла. Без дизайнерских шмоток и цацок, на которые средняя семья в стране будет три поколения безбедно жить.

Ключи от машины были в кармане куртки, документы – в машине. Я предполагала, что Марк не станет вытряхивать меня из куртки и джинсов, хотя как знать.

– Телефон тоже заберешь? – прищурился глаз – черт, как же больно, словно в меня всадили нож, зачем я хотела, чтобы мне стало так больно? Дура! – спросила я, вложив в голос максимум возможной иронии. – Госуслуги, банк, налоги, прочие персональные данные?..

Я развернулась, щелкнула замком и выскочила на лестничную площадку. Дверь квартиры должна была благополучно захлопнуться, но нет, уже стоя перед лифтом, я услышала негромкое:

– Долго ты не пробегаешь. Через пару дней явишься покаянная, и прекрасно знаешь почему.

Двери лифта разъехались.

Да, знаю. Но постараюсь не вернуться.

Глава 2

В замкнутом пространстве кабины лифта настигла будто с пистолетом у виска мысль, что в случившемся есть и моя вина.

Марк никогда не ставил мне в упрек, но я знала, что он хотел семью с уютным домом, коричневым запахом выпечки и детским смехом. Вместо лучезарной волоокой красавицы в длинном свободном платье, хлопчущей по хозяйству, появилась я – замороженная карьеристка, паршивая кулинарка, к тому же бесплодная. Все его мечты полетели в тартарары, и где-то его предательство было объяснимым.

Двери лифта разъехались на подземной парковке, и беспощадная логика проснулась и резким движением вышибла пистолет у чувства вины. Марк видел, на ком женился. Он не мальчик, у которого сорвало предохранители, и не клинический дурак... им запрещено вступать в брак. Его, как он верно заметил, устраивало, что я не впадала в истерики, не била посуду, не обнюхивала пиджаки на запах чужих духов, лояльно относилась к корпоративам, не тащила его в ночные клубы и театры, не ревела из-за того, что юбка в талии стала мала. Со мной можно было разговаривать и договориться, обсудить сложную ситуацию в бизнесе, и я – боже мой! – даже могла дать толковый совет.

А когда меня раз в четыре недели припирало, я доставала обезболивающее из аптечки и никому не выносила мозги.

Так какого же черта ему показалось мало?

Я пискнула ключом, уселась в машину и, хотя прекрасно знала, что все документы здесь, открыла бардачок и убедилась. Паспорт, доверенности, техпаспорт, водительское удостоверение, СНИЛС и свидетельство о присвоении ИНН. Один раз, еще очень давно, будучи студенткой, я сломя голову возвращалась с полдороги из-за забытого паспорта и теперь сократила дистанцию от зала суда до ближайшей парковки.

Большого мне, кажется, от жизни не нужно? Документы, машина и ехать куда глаза глядят.

Я завела машину и выехала на улицу. Стемнело, город затих, и было странно, что где-то в пятиста метрах отсюда, на бульварах, даже сейчас кипит жизнь, гуляют люди, носятся дети на самокатах, играет музыка, сияет иллюминация. Здесь, в комплексе отреставрированных особняков девятнадцатого века, было безмолвно, как в лесной чаще. Здесь люди платят за близость к центру и покой.

Покоя мне не видать. Он мне и снится не будет.

Машина – все, что у меня осталось. Я без всякой задней мысли посоветовала ее оформить на моего отца, потому что он был зарегистрирован в области и страховка с налогом были на порядок дешевле. Марк не спорил, а отца уже полтора года как не было в живых, и я унаследовала собственную машину.

Теперь мне придется ее продать, и часть моих предстоящих расходов это покроет.

Я встала в хвост на перекрестке, ожидая зеленый сигнал. Телефон, планшет в офисе, там же – ноутбук, принтер, сканер, копир, все это мне нужно, без этого я не смогу. У меня есть немного денег – все, что я заработала сама и как-то скопила, и даже если Марк потребует включить их в сумму совместно нажитого имущества – ради бога, эти полмиллиона для общей суммы все равно, что пять тысяч рублей против десяти миллионов. Марк моей работе никогда не препятствовал, не относился к моему бизнесу снисходительно, хотя мог бы, с моими доходами-слезами, но, как я подозревала, то ли его близкие когда-то смотрели так же на его начинания, то ли наоборот – ему пришлось от них многое вытерпеть, и со мной он решил исправить вселенскую несправедливость.

Исправил, гад. Испортил все, что было таким хорошим. Как специально – облил краской статуи, разбил все стекла, изрезал картины, перфоратором прошелся по паркету восемнадцатого века – может быть, это форма протеста такая? Иногда ведь людям бывает «слишком легко», им нужно эмоциональные качели, чтобы потом сильнее ценить счастье, выстраданное, черт побери, без страданий люди не могут!

Но за Марком я ничего подобного не замечала. У него все было рассчитано, проверено и застраховано. Сегодня был будто не Марк, а другой человек.

Итак... этой ночью я начну все сначала.

Взгляд выхватил слово «hotel» на противоположной стороне бульвара, я вытянула шею, высматривая впереди разворот. Мне было все равно, где переночевать, главное, чтобы в тишине и покое. А завтра...

Завтра мне придется сделать то, что для других людей я делала десятки раз. Почти как самому себе удалить аппендикс. Составить исковое заявление, оплатить госпошлину, начать искать квартиру. И...

Вывезти все из офиса, что смогу. Марк не зря намекал мне, что меня надолго не хватит: помещение мне не принадлежало, Марк купил его на одну из своих фирм и сдал мне на длительный срок. А еще я, конечно, сглупила, когда именно по этому адресу зарегистрировала свое ООО. Мне придется менять и офис, и адрес, и... что-то делать с кредитом, который сейчас я просто не потяну.

Я взяла три миллиона под поручительство Марка, взяла на свое имя, встав в позу самостоятельной, и Марк уступил. Тогда ему, как я считала, нравилось видеть меня независимой. Без денег у меня не выходило никак, клиент слишком ушлый, ему пыль в глаза важнее, чем квалификация специалиста. Я знала по бывшим своим однокурсникам – раскрутиться смогли только те, кто вложил в рекламу, хороший сайт, офис с тяжелой мебелью и прочую дребедень. Впрочем, так оно и работает, даже Чехов писал об этом, ах, Антон Павлович, век миновал, а люди все те же.

Я без особых проблем отдавала банку сто тысяч в месяц, стремясь быстрее закрыть кредит, но в остальном вплоть до этого вечера я целиком и полностью полагалась на Марка. Деньги на моей личной карте появлялись ниоткуда – я не думала, что есть, что носить, как выкроить на стилиста и можно ли еще пару дней отходить в туфлях со сбившимися набойками или придется урезать себя в фруктах...

Кредит за этот месяц я закрою, деньги есть, а потом? Реклама крутилась, люди звонили, но, как назло, никого, кому нужно было бы разводиться, или поспорить с банком, или требовать с продавца либо деньги, либо новый товар. Чаше звонили по уголовным делам – с ума посходили, или ныли, что им бы «бесплатно». Бесплатно я не могла, строго-настрого запретила Алиса, которая раскручивала мне сайт и делала прочий пиар: напишут отзыв, пиши пропало.

С Алисой тоже придется расстаться – денег нет.

Знала бы, копила бы втихаря из тех средств, что выделял Марк, вместо того чтобы тратить на шмотки. Хотя варианты, когда вот так жены копили деньги на загадочно-подружких счетах, а те тем временем легко и приятно спускали все на курорты и шубы, мне тоже встречались. И приставы слонялись как неприкаянные, потому что потрачено. «Денег нет».

И семьи нет, и перспектив. Безысходность, уныние, тлен. Я свернула направо под указатель «Парковка отеля», фары выхватили из темноты старое дерево, кота, мусорные баки, человека, кинувшегося мне наперерез и тут же пропавшего непонятно, и в правое крыло машины пришелся глухой, осязаемый, какой-то неправильно несильный удар.

Глава 3

«Ты сильная, ты справишься! – Я умная, я не возьмусь!» Во что я ввязалась, господи, чем это внезапно закончилось, толком и не начавшись? Уголовным делом?

Сердце грохотало так, что я не слышала, как мягко щелкнула дверь. Ноги подкашивались, перед глазами плясали круги – разноцветные вспышки. Я обошла машину, едва ли не цепляясь за кузов, чтобы не рухнуть, заставила себя посмотреть вниз, на крыло, чуть дальше, еще чуть дальше...

Трясущейся рукой я залезла в карман и вытащила телефон, посветила на асфальт, на бок машины. Ни следа удара, никакого пострадавшего, так что это было?

Кот, сидевший на мусорных баках, казалось, смеялся. Я в растерянности направила свет на него, блеснули желтые глаза, кот вытянул шею, покрутил головой, не слишком высоко оценивая двуногих, которые по недоразумению возомнили себя хозяевами мира, грациозно спрыгнул на землю и бесшумно скрылся за баками.

Под ногу мне что-то попало, я подпрыгнула и посветила фонариком вниз. Борсетка или, точнее, бумажник. Я наклонилась и подняла его, уже догадываясь, чему я стала почти что свидетелем, и что никого, к моему облегчению, не сбивала.

Минут десять назад этот «лопатник» «подрезали» у «какого-то лоха». Парень, удравший при виде моей машины, вытащил из бумажника деньги и карточки, но вот документы должны были остаться, иначе кой черт он швырнул бумажник прямо в меня. И мне, без всяких сомнений, надо немедленно обратиться в полицию со своей неожиданной находкой.

А надо ли? Бумажник «классический», большой, не только для хранения многочисленных банковских карт. Отделение для документов – я предположила верно, вот и паспорт – и три отделения для бумажных купюр. Вполне вероятно, здесь недавно была валюта. Бумажник «разношенный»... кожаный, недешевый, и побывал в переделках, его не берегли, хотя, судя по фурнитуре, не так давно и купили.

Я покрутила его в руках. Мысли прыгали психически нездоровыми белками. Современного карманника не подловишь костюмом и телефоном, он лучше маститого байера отличит часы с китайского маркетплейса или поддельную сумку от баснословно дорогостоящего подлинника. Профи, которых сейчас по пальцам пересчитать, не полезет за вычерпанной кредиткой красавицы со свежими ресничками и ноготочками, не позарится на шикающего в ресторане менеджера по продажам. Если вор вытащил у кого-то бумажник, этим кем-то был действительно очень богатый человек, пусть он ходил в стоптанных кедах, простой белой футболке и с двадцатилетней побитой кнопочной «Нокией» в кармане потертых джинсов. Очень богатый человек, для которого тысяч триста наличными или несколько тысяч долларов – ежедневные карманные расходы. Это даже не уровень Марка. Страшно представить, кто это мог быть и как он отблагодарит меня за возвращение паспорта.

Мне же много не надо. Хотя бы... любая сумма сейчас будет к месту. А еще пару часов назад я бы и не подумала возвращать бумажник самой – жизнь иногда поворачивается к нам не самой приятной частью тела. Зараза.

Я уселась в машину, прижимая к себе бумажник и телефон, припарковалась за помойными баками, пискнула брелком и отправилась в отель.

Он выглядел чужеродно-новогодним, но уютным. Оранжевый теплый свет и дерево. Сколько в нем звезд, я понятия не имела, и мне было наплевать. Мелодично звякнул колокольчик, девушка-администратор поспешно поднялась мне навстречу.

– Добрый вечер. Мне нужен одноместный номер, – пробормотала я, подавая паспорт. – Пока на одну ночь, но, возможно, я продлю проживание.

Девушка защелкала клавишами, я ждала. Накатила странная усталость, и хотя я понимала, что в первую очередь нужно попробовать найти владельца паспорта, а потом уже – душ, ужин и сон, если получится уснуть, в чем я сомневалась.

– Остался дуплекс, – сообщила администратор, – двухъярусный, без питания.

Без питания – это очень погано, но ничего, я переживу.

– Стоимость двенадцать четыреста двадцать. Будете брать? Наличными или картой?

Я вытащила телефон, разблокировала его. У меня была своя карточка, привязанная к платежной системе, и Марк не имел к ней доступа, поэтому за подлость с его стороны я не опасалась.

Да что он вообще может мне сделать, с необъяснимой злостью подумала я. Расторгнуть договор аренды с моей фирмой? У меня по этому договору месяц в запасе. Я могу подать на Марка в суд, ха-ха-ха. Попробовать быстро продать на сторону совместно нажитое имущество? Не получится, не со мной, я прекрасно знаю, как прячут концы и как отбиваться в суде, если Марк вывернет пустые карманы. Марк отлично знает, что я знаю, и что бы он ни сделал, он в заведомом проигрыше. А я скоро – месяца через три в лучшем случае, полгода при нашей ситуации – стану свободной и богатой.

Как бы мне еще протянуть эти полгода почти без денег? Может, попросить рефинансирование? Отсрочку? Завтра, все завтра буду решать.

Видимо, выражение моего лица стало зверским, девушка положила на стойку карточку и затравленно пожелала мне приятного пребывания.

Номер в стиле «лофт» показался уютным, хотя для четырех подразумеваемых человек был издевательски маленьким. За стенкой визгливо выясняли отношения соседи – не у одной меня сегодня семейная драма, и я, поморщившись, постучала кулаком в стену. На секунду голоса стихли, затем раздался женский обиженный рев и мужской бас: «Уже люди в стенку колотят, заткнись наконец!».

Кажется, у нас с Марком развод проходит цивилизованно...

Двухспальная кровать была на втором этаже. Я поднялась по деревянной лестнице, оглядела открытую с одной стороны спальню, кирпичную стену напротив, пришла к выводу, что слишком напоминает тюрьму, и спустилась. Там я не обнаружила ничего, на чем можно было бы спать, кроме дивана, и запоздало поняла, что это и есть дополнительное спальное место. В ванной я схватила халат и покорно потащилась наверх.

Я разделась, сходила в душ, вернулась в спальню спустя двадцать минут, абсолютно не расслабленная, напротив. Кроме того, соседи за стенкой, сволочи, помирились, и я, забираясь в постель, гадала – как родители объясняют детям, что творится в соседнем номере? Затем я сделала то, что должна была сделать сразу, и, наверное, совершила огромную глупость.

В бумажнике были паспорт на имя Никиты Басова и старая визитка какого-то ресторана в трех тысячах километров отсюда. Вор вытащил все, это паспорт он вытряхнул из добычи и сунул обратно в бумажник. Довольно распространенное имя и место постоянной регистрации в крупном уральском миллионнике не давали мне шансов быстро найти владельца. Но я попробовала.

Как я и ожидала, безрезультатно, и внезапно меня охватил азарт. Я забыла про сон, про развод, про Марка, про долги и про фирму, которой уже хотя бы одного заказчика, а? Ну пожалуйста! Я просматривала все профили, которые были открыты, и все было не то, не то, не то. Не тот возраст, не тот город, даже не та страна.

На фотографии – молодой эффектный мужчина с очень приятным лицом. В паспорте обычно студийная съемка, только вот профессиональной ее сложно назвать, и чаще люди своих паспортных фотографий пугаются. Социальная сеть выдавала мне молодых, старых, худых, толстых, заросших и лысых тезок моего потерпевшего... но ведь мог же он за пятнадцать лет измениться? Это обидно, но придется жить с тем, что есть.

И, как бы мне ни хотелось этого избежать, я разместила объявление о находке. Потом я сидела, тупо пялясь в экран и обновляя несколько сайтов каждые две минуты: есть ответ, нет ответа? На моих смарт-часах было два, глаза у меня слипались, и я отложила телефон. Я подумаю обо всем завтра.

Утром меня разбудила вибрация смарт-часов. Я дернула рукой, попыталась, не открывая глаз, смахнуть будильник, зная, что он все равно прозвенит через пять минут, но часы продолжали вибрировать, и тогда я протянула руку к тумбочке, зацепила что-то странное – стационарный телефон? – и подскочила, вспомнив все и разрыдавшись.

Черт, черт, черт. Я смотрела на часы, горевшие «неопределенным номером», на смартфон, который подрагивал в такт беззвучному звонку, лежа на тумбочке экраном вниз, и утирала льющиеся слезы.

По крайней мере, это не Марк. Номер Марка всегда определялся. Может, клиент?

– Аллю.

Шесть тридцать утра, я разбита и раздавлена. Ни капли не странно.

– Ты что сделала? Ты что натворила? Чем думала? Ты как будешь расплачиваться?

Глава 4

– Мама.

Мать ревела белугой и продолжала поносить меня в трубку. Я невесело усмехнулась – она не со зла, но как знать, может, именно сейчас она говорит то, что обо мне думает. Подобного она не делала очень и очень давно.

– Мама! – окликала я, зная, что она через пару минут проревется и с ней станет возможно разговаривать как с человеком. – Мама, сходи попей воды. Ничего катастрофического не случилось. Все живы, все здоровы. Развод – дело житейское, мне ли не знать.

Стакан наполовину пуст или наполовину полон. Или стакана нет, это иллюзия для умирающего от жажды. Вести чужой бракоразводный процесс совсем не то, что собственный, но на услуги коллеги у меня денег нет.

– Юля, вот скажи, где твоя голова? Почему тебе мозгов не вложили? – мать всхлипнула, перевела дыхание, никуда не пошла, но, к счастью, понизила тон и заговорила по-деловому: – Сколько тебе еще выплачивать кредит?

– Четыре года. Может, чуть меньше.

– Четыре года! Ты ведешь себя так, будто отец миллиардером был. Ты его квартиру пробовала продать?

Пробовала, она уже год висит на сайте недвижимости, эта злосчастная «двушка», и никому она не нужна в райцентре за сто двадцать километров от города, если бы хоть кто-то на нее позарился, я не брала бы этот кредит, мама, тебе ли не знать? Эта квартира – балласт, я ее не считаю.

– Юля, твой Марк – дрянь и сволочь, каких поискать. Зачем ты вышла за него замуж? Зачем теперь встала в позу? Ни семьи, ни жилья, одни долги. Возвращайся домой. Ко мне. Разведись быстро и возвращайся.

Как бы больно мне ни было, я рассмеялась. Она в своем репертуаре – все и сразу. Логика у матери, стоило ей начать меня чихвостить, отказывала всегда, еще со школы – «Посмотри на Веру, посмотри на Ваню, как хорошо все учатся, одна ты не как все, снова двойку принесла, что значит – за это задание все двойки получили, а меня все не волнуют, если все пойдут с крыши прыгать, ты тоже пойдешь?». Где-то годам к двенадцати я догадалась, что упреки матери можно пропускать мимо ушей и даже кивать не обязательно, она, как глухарь на току, старается не для меня, а для себя – жалеть себя мать любила. К моим пятнадцати годам ей вежливо, но убедительно объяснили, что с ребенком стоит быть человечнее. Удивительно, но она взяла тайм-аут до моего совершеннолетия.

– Мама, пожалуйста, – мягко попросила я, хотя в душе ураган разгорался. Мне своих проблем хватает, мама, честное слово, меня бы кто пожалел. – Здесь половина седьмого утра. Все, что может быть закрыто, закрыто. Я подам на развод, сегодня сяду и посчитаю, сколько мне причитается. Это очень хорошие деньги, надо только немного подождать.

– Всю жизнь будешь ждать? – плаксиво уточнила мать. – А жизнь пройдет мимо. Я звоню узнать, когда вы приедете, а Марк мне говорит, что ты из дома ушла.

– А почему ты мне вчера не позвонила? – перебила я, потому что мне стало действительно интересно. – Ты же, наверное, всю ночь не спала.

Я почему-то представила себе диалог: «Я не знаю, когда мы приедем, Юля ушла». – «Как ушла, куда?» – «Из дома. Извините, Елизавета Ильинична, я занят». Это было очень похоже на Марка, закопавшегося в очередные биржевые сводки. До вчерашнего вечера меня всегда веселила эта его манера.

– Правильно, мать вся извелась от твоих выкрутасов! Думала в больницу поехать. Поздно было, вот и не стала звонить. Я хотела, но потом я подумала: может, ты не одна. И тут я со своим любопытством.

Я откинулась на спину и, выхватив из-под головы подушку, прижала ее к лицу. Мать еще что-то говорила, но я так хохотала, что пропустила ее страстный театральный монолог.

– Мама, у Марка другая женщина, – прервала я ее, когда спазмы в животе немного прошли и я смогла говорить связно. Мать все равно несло, и меня она, похоже, не слышала. – Больше того, она беременна. Он вчера не придумал ничего лучше, как показать мне фото, которое она ему переслала: тест на беременность. Положительный.

Мать замолчала на полуслове. Я даже отвела телефон от уха, проверить, не пропала ли связь.

– Ну, – наконец глухо сказала она деревянным голосом, – этого стоило ожидать... Ты не можешь родить, Марку нужны дети... Юля, твой брак изначально был обречен. Чтобы муж принял, что ты бесплодна, надо было выходить замуж по любви. Не стоило выходить замуж за большие деньги.

Логику мать опять потеряла. Только что, казалось, она была, и снова ее будто вынесло ветром. Зная мать, я предполагала, что каждый наш разговор с этого дня будет строиться одинаково, по сейчас отыгрываемой модели. Так будет до тех пор, пока я не выйду замуж второй раз.

Очень вряд ли я еще раз наступлю на эти грабли. Если бы я еще хотела детей – имело бы смысл. Точнее: если бы я могла иметь детей.

– Я вообще не знала, кто он, мама. Я даже не догадывалась. Мне просто понравился спокойный, несуетливый человек. С ним было надежно, понимаешь?

– Да, как с твоим отцом, – всхлипнула мать. – Я потом стала забывать, как он выглядит. То работает, то халтурит направо-налево. Ляжет кто-то ночью в кровать, утром уйдет. Ну, он хотя бы ночевать являлся...

Я покивала. Если ребенком я не понимала отца, который постоянно стремился удрать из дома, то, став постарше, поступила точно так же, как он. Я любила свою мать, но ее непосредственность, эмоции через край и непоследовательность оказалось намного проще выносить на расстоянии. Проще причем нам обеим, не только мне.

– Мама, понимаешь... я думаю, что дело не только в моем бесплодии, – выдавила я. – Может быть, Марк тоже ошибся в браке. Во мне. Все бывает. Давай относиться к этому как к вопросу, который можно решить. Я не остаюсь с тремя детьми в съемной халупе без образования и работы.

– Раздень его до трусов! – немедленно потребовала мать. – Ты что, зря училась? Пусть по помойкам подбирается, раз так!

Я пообещала. Я тоскливо смотрела на часы, вслушивалась в просыпающийся отель и понимала, что сна не видать. Слышимость здесь оказалась такая, что лучше бы я выбрала самый паршивый хостел, потому что там за крики и храп я заплатила бы за ночь в десять раз меньше.

Я несколько раз пыталась попроситься с матерью, но она не слышала, и в конце концов я плюнула и сбросила вызов. Положив телефон на тумбочку, я вытянулась на кровати и еще раз прокрутила в голове события прошедшего дня. Причинила себе боль, словно раны расковыряла. Затем подскочила и проверила объявления. Просмотры были, сообщения – нет.

Я поднялась, потянулась, не надевая халат, пошла в ванную. Вот чем я плачу за поспешность: мне придется надевать несвежее белье и вчерашнюю блузку. Марк, конечно, погорячился, если я попрошу помощницу собрать мои вещи – не все, но все мне и не нужны, например, без вечерних нарядов я обойдусь, да и шубы – каприз Марка, – если я попрошу собрать мои вещи, Лариса мне не откажет.

В романе или кино именно домработница прислала бы Марку фото теста на беременность, но в случае Ларисы я бы даже порадовалась за нее. Как и я, она была бездетна, детей очень любила и хотела, и было ей сейчас шестьдесят три.

Джинсы, костюмы, белье, теплые свитера, куртки, несколько платьев, обувь – Марк и не заметит, что что-то пропало. Я не была привязана к вещам – я не хотела трат, это безумие. Драгоценности... все равно большинство можно лишь сдать в ломбард как лом, это двадцатая часть их цены, конечно, тоже деньги, но... обойдусь. Подождать, и все, что мне причитается, я получу. Нужно иметь терпение.

Но терпения я не имела настолько, что, щедро намазав волосы отельным кондиционером, быстро сбегала наверх и успела наговорить Ларисе голосовое. Пока я смывала кондиционер, сушилась, укладывалась и слушала соседские разборки, прошло еще полчаса. В коридоре начала хозяйничать горничная – кто-то, видимо, выехал еще ночью, и я, нащупав в кармане куртки случайную тысячу рублей, высунулась за дверь и попросила отправить кого-нибудь купить мне сэндвич и кофе и положить все в холодильник. Исходила я из того, что легко могу забыть купить еду и завтра опять буду страдать, пока не выйду на улицу.

Чертова слышимость в отеле не сразу позволила разобрать, что на втором этаже надрыгается телефон. Я закатила глаза – мать или Лариса, и если мать, не буду брать трубку, если Лариса – пусть выполняет то, что я говорю, без расспросов и соболезнований. Когда я поднялась, телефон, как назло, заткнулся.

– Зараза, – пробормотала я, глядя на потухший экран. Номер был незнакомый, звонили один раз, вполне возможно, клиент, поэтому перезвонить ему не выйдет. Замечательно, если он окажется упрямый, плохо, если у него открыт поисковик и он набирает всех юристов по очереди.

Экран загорелся – пришло сообщение на почту. Я села на кровать, открыла приложение, озадаченно поиграла бровями, перешла по ссылке на сайт объявлений, и брови мои так и застыли – одна выше, другая ниже, ни дать ни взять – Мать Драконов.

А могла бы и выругаться, повод был.

Глава 5

«Через десять минут на парковке возле БЦ “Парус”. Бумажник не забудь. Я все проверю».

Однако, хмыкнула я, напор и краткость вызывают не то уважение, не то оторопь, но телепортацией я не владею. И, в конце концов, это нужно больше ему, а не мне.

Отправив ответ, что я освобожусь примерно через три-четыре часа и буду находиться в самом центре, а не на северо-западе города, я взяла куртку, злополучный бумажник и вышла. На стойке администратора я продлила проживание на двое суток – искать недосуг, и не факт, что новый отель окажется лучше, – не без содрогания зашла на парковку, но встретили меня приветливый дворник в ярко-оранжевом жилете и местные коты.

Сообщение я проверила, только когда расплачивалась за кофе и сэндвич в здании, где был мой офис, и от возмущения чуть не выронила стаканчик.

«Я тебя жду, ты что о себе возомнила? К тебе с полицией прийти, дрянь?»

Хочешь полицию – будет, пообещала я хаму и неудачнику. Как еще назвать человека, у которого вытащили бумажник? Мне было не до него, я торопилась вывезти все самое важное, пока Марк не наведася сюда сам или не прислал кого-нибудь, чтобы меня выставить. А потом, когда первоочередные дела будут сделаны, так и быть, раз человек не умеет держать себя в руках, я задавлю свою жабу, смирюсь и отправлюсь в полицию с пустым бумажником, паспортом и человеколюбивыми сообщениями, и жаль, что за утерю паспорта такой небольшой штраф.

Я заглянула в магазинчик сувениров, выпросила у девочек пару объемных картонных коробок, поднялась в офис и сложила документы и технику. В две коробки все не влезло, пришлось бегать из офиса до машины, когда я в который раз дрожащими руками отпирала дверь кабинета, меня остановила управляющая.

– Я съезжаю, – объяснила я, – наверное, будет новый арендатор. При моих доходах иметь офис нерационально.

– Жаль, – поджала губы управляющая, – от вас редко шум и у вас мало посетителей.

– Ну потому и съезжаю, – буркнула я, досадуя на человеческую непонятливость. – Потому что клиентов нет.

Решение не покупать МФУ вместо трех отдельных девайсов оказалось пророчески гениальным. Лазерный принтер был последним и самым тяжелым, пока я его тащила, мне казалось, что из-за угла вот-вот выйдет Марк и скандала не избежать. Но, по всей видимости, Марк был уверен, что я не сегодня, так завтра обреченно суну ключ в замочную скважину нашей квартиры, и утруждаться лишний раз не собирался. Мое бегство прошло незамеченным, и, уместив принтер в багажник, я села за руль и проверила, как проходят переговоры с владельцем паспорта.

На экране горели непрочитанные сообщения.

Лариса спрашивала, куда привезти чемоданы. Я скривилась, как от приступа боли – она тоже пошла по пути наименьшего сопротивления и взяла, наверное, те два чемодана, а может, и три, которые стояли на самом виду в гардеробной и которыми постоянно пользовался Марк. Стало быть, он поймет, что я забрала вещи, и поймет именно потому, что отсутствие чемоданов точно бросится ему в глаза...

Но я махнула рукой и не стала ничего менять. Я вызвала со своего телефона такси, указав, что нужно доставить только багаж по адресу, и написала Ларисе номер машины. Затем я перевела дух, подготовилась морально и открыла сообщение от Никиты Басова.

Я ничего не собиралась отвечать, я намеревалась отправиться в отделение полиции, я просто хотела узнать, какую карту он выложил напоследок – нужно что-то сказать в полиции, если спросят.

«Юлия, простите, ради бога, за неприемлемый тон. Случились небольшая неприятность и очень большое недоразумение. Я Никита Басов и я подъеду, куда вы скажете и когда вам будет удобно. Еще раз простите, я готов компенсировать вам расходы и, разумеется, выплатить вознаграждение».

Я приоткрыла рот, положила руку с зажатым в ней телефоном на руль и уставилась в логотип со стрелочкой невидящим взглядом. Мне в голову пришел безбашенный мальчик-мажор, которого за угрозами и хамством поймал строгий папа и выписал заслуженных люлей. Я даже положила телефон и залезла в бумажник, проверить отчество, но Никита был не Никитич, а Александрович.

– Может быть, Александр – его родной отец. А Никита, тезка, отчим, и фамилия у этого Никиты – отчима, а отчество от родного отца, – шмыгнув носом, сказала я себе, потому что мне требовалось немедленно прояснить ситуацию. – Или... это старший брат. Кузен, вероятно. Никакой мистики.

С фотографии в паспорте на меня смотрел парень, которого я лет десять назад ни за что бы не заподозрила в практически девиантном поведении. Но с момента окончания мной школы прошло много времени, я поумнела, смею надеяться, и научилась не превращать людей в положительных и отрицательных героев мультфильмов. Не всякий, кто выглядит плюшевым добряком, им является, и не каждый бритый громила только что отмотал срок.

Я выдохнула, растрепала волосы, назвала вежливому Никите место встречи. Если до посланий с угрозами я ограничилась бы любой парковкой, то теперь мне требовались камеры, обученная охрана и много свидетелей.

Когда я уже собиралась нажать на педаль газа, шлагбаум поднялся, и на парковку въехала машина Марка. Я тотчас выключила зажигание, чтобы погасли габаритные фары, и взмолилась, чтобы Марк меня не заметил. Машина моя была довольно приметная, не самой распространенной модели, но меня очень удачно прикрывал чей-то джип.

Марк отправился в другую сторону – на VIP-паркинг для собственников помещений. Я быстро завела двигатель и успела проскочить до того, как увидела мужа в зеркале заднего вида: он не спеша поднимался по ступенькам.

Я выгадала два спокойных часа и провела их с максимальной для себя пользой. Образцы исковых заявлений о разводе у меня были на любой вкус, электронный ключ для «Госуслуг» имелся тоже, а вот детей не было, и было бы все скучно и просто, если бы Марк был на расторжение брака согласен. Выставив планшет на портативную клавиатуру, я заполнила в заявлении необходимые данные, подозвала официантку, спросила, где можно распечатать и откопировать документы – она, подумав, назвала чуть ли не соседний подъезд, и я, заплатив за кофе и салат, попросила ее сохранить за мной столик и сбежала в фотосалон.

Свидетельство о заключении брака у меня имелось лишь в электронном виде, для первичного пакета документов годилось и оно, и я, вернувшись в ресторан, первым делом заказала на «Госуслугах» бумажную заверенную копию. Пока назначат предварительное заседание, у меня будет все необходимое. Ходатайство о применении обеспечительных мер я распечатала вместе с иском и не сомневалась, что любые действия Марка полностью предусмотрены.

Ха-ха, я отработала это на стольких клиентах, а сколько юристов прошли этот путь до меня и вместе со мной! Оплачивала госпошлину я уже ликуя.

Можно драть себе сердце и рвать на себе волосы. Можно запереться в четырех стенах и бесконечно пережевывать прошлое. Можно реветь и жалеть себя, а можно радоваться новому этапу в жизни. Можно искать в этом плюсы. Видеть возможности. Еще раз, Юлия: ты не остаешься без гроша, без образования, без перспектив, ты будешь улыбаться и пойдешь по жизни дальше с гордо поднятой головой. Как говорит дед Илья: «Спасибо, боже, что взял деньгами!» –

у тебя даже деньги приятным бонусом. А муж, а что муж, Марк не последний мужчина на этой планете. Найдешь себе нового мужа, если захочешь – умного, красивого, верного...

Перед глазами стоял залитый закатом пляж, волны, лизавшие золотой берег – здесь была отмель, и дети бегали вдоль кромки воды, смеясь и пачкаясь в песке. Серьезная малышка лет четырех, удрав от матери, взглянула на меня сурово, а потом улыбнулась и робко бросила мне разноцветный надувной мяч.

Дети всегда вызывали у меня неподдельную нежность. Мне хотелось обнять их, укрыть от всех бед, защитить от любого зла, сохранить для них море, солнце, спокойное, ясное небо, и красный цвет оставить лишь для платья, мяча и заката. Дети должны радоваться каждому дню и не бояться наступления ночи.

С совсем крошечным ребенком на руках подбежала ко мне мать малышки, я, смеясь, вручила ей слегка раздосадованную дочь. Они уходили по песку, и малышка оглядывалась и махала мне ручкой, а когда они скрылись, я почувствовала чей-то взгляд.

Как прекрасный принц из забытой сказки. Парень лет тридцати в белоснежной футболке и темных джинсах стоял, держа в одной руке фотокамеру, а в другой – ковбойскую шляпу, и я, не почувствовав никакого подвоха, крикнула ему – «Привет!».

Я еще не поняла, как я вляпалась, и что с этого момента жизнь моя переменится...

Все полетит к чертям как закономерный итог безумия. С самого начала все полетит чертям и закончится заявлением о разводе.

Мне поблагодарить бы за то, что все это было в моей жизни, если уж не хватает силы на то, чтобы гордо вскинуть голову и далее по тексту, но мне ведь не хочется его отпускать.

Я протянула руку, чтобы схватить и разорвать все напечатанные только что документы. Некий акт отречения от себя, ритуал, ничего не значащий вовсе, потому что всего-то десять рублей за лист, и все это снова ляжет на стол. Но я хотела попробовать: раз – и все, и белые клочки разлетятся по всему залу, к неудовольствию персонала.

– Юлия?

Я вздрогнула и обернулась.

– Это ты – Юлия? Стерва тупая, бумажник быстро сюда. Быстро, я сказал, ты что, еще и глухая?

Глава 6

Зачем-то вцепившись пальцами в столешницу, я рассматривала нависшего надо мной парня. В животе неприятно заглодело, я прищурилась и сделала незаметный глубокий вдох. Тот, кто требовательно тянул ко мне руку, не был похож на фотографию в паспорте, и рухнула даже такая невероятная, но стройная версия с мажором и отчимом.

Парень был высокого роста, но рост в документах не пишут, у нас не Соединенные Штаты, эту примету можно смело отметить. Все, что я могла сказать – он выше и массивнее, чем воришка, который вчера швырнул бумажник в мою машину. Что еще? Брови, уши, разрез глаз? Глаза у парня на фото крупнее и дальше посажены. Руки у этого... я опустила взгляд: слишком грубые пальцы для щипача. Значит, он – кто-то выше, пришел исправить допущенную ошибку? Воришка выкинул паспорт, а зря?

В мой рабочий рюкзачок-чехол помещалось все, что было нужно на судебных заседаниях, от планшета и клавиатуры к нему до небольшой папки с документами. Бумажник тоже отлично влез, и я как бы между прочим сунула в рюкзак руку, а парень следил за мной как за фокусником и терпел терпение.

– Что ты уставилась на меня? Ты реально глухая? – парень нахмурился, видимо, вспоминая, что я не ответила на звонок – если звонил он, конечно – и предпочла переписку. И мне захотелось ему подыграть от досады и непонятного страха. Я приготовилась к ушатому дерьму, оскорблениям и угрозам, но никак не предполагала, что за бумажником – за паспортом! – явится не владелец.

Я улыбнулась, прижала палец свободной руки сперва к своим губам, потом указала на ухо и следом – на губы парня. Последовательность вышла сомнительная, но обескураженный враг почти повержен. Другой рукой я добралась до бумажника и сама не хуже заправского карманника вытащила оттуда паспорт – отдавать документ неизвестно кому я не собиралась, и полиции теперь не миновать. Жаль, что в свидетели придется записать и официантку, которая подавала мне непонятные знаки и махала кому-то рукой.

Парень буркнул себе под нос явно что-то нецензурное. Мне не нужно было слышать, я прекрасно считала по губам и по зверскому выражению его лица.

– Ладно, это, – он почесал нос. Нос сломан, на фото в паспорте – нет, хотя времени прошло достаточно, можно было не только нос покалечить, было бы дело в одном носе. – Давай бумажник. Я тебе денег дам. Сколько ты хочешь? А, возьми сотку оттуда сама. Понимаешь? – он немного наклонился ко мне и четко артикулировал: – Возьми из бумажника сотку и давай его сюда.

В ресторане было все, что я наметила, обеспечивая себе безопасность: камеры, охрана и свидетели. Не то чтобы народу много, но треть зала заполнена. Официантка куда-то пропала, стоило мне на секунду выпустить ее из виду.

Мне спектакль уже надоел, мне нужно было еще закончить дела и сбегать на почту, вернуться в отель и заняться квартирой, связаться с банком... проклятый кредит! Настроение скакнуло до минусовой отметки, я вынула из рюкзачка пустой бумажник и протянула его парню. Пусть забирает и проваливает, если полиции будет нужно, запросят записи с камер наблюдения.

– А чего деньги не взяла? Типа гордая, что ли? – проворчал он с облегчением, но кинул взгляд на мою технику, на телефон, и его перекосило. – Вот дрянь зажавшаяся, тебе сотки мало? Ладно, держи две... Ах ты тварь!

Пальцы парня сомкнулись в том месте, где только что был мой воротник. Я успела поймать его движение и упасть на сиденье, быстро перекатиться и вскочить на ноги.

– Где бабки? Где остальное все? Ты что, стерва тупая, совсем оборзела? – заорал он, на нас разом обернулись все посетители, кто-то уронил на пол стакан, и он звонко разбился вдребезги. – Тут паспорт еще был, где, дрянь, деньги и паспорт?

– Молодой человек, на выход!

За спиной парня вырос официант, а может, и вышибала, или он успешно совмещал две должности. Парень был немаленького роста, но вышибале он едва доставал до плеча, к нам спешили и другие сотрудники ресторана, в том числе, кажется, и кто-то из руководства, и парень оказался против слишком большого количества противников.

– Она у меня деньги сперла! – проигнорировав и вышибалу, и вставших сразу за ним двух парней в костюмах, обратился он к полному мужчине. – Деньги и документы! Полицию вызовите! Она воровка!

Он тряс бумажником перед лицом администратора, и тот безгласно отодвигался за спины подчиненных. Вероятно, решение такого рода конфликтов он предпочитал делегировать.

Зал ликовал. И хлеб, и зрелище – такая удача. Я краем взгляда ловила камеры, которые на нас наставили все – от подростка лет шестнадцати, сидевшего с родителями, до солидного дядечки сильно пенсионного возраста. Очки старикана азартно поблескивали, будто он был не банкиром или адвокатом, а блогером.

– Молодой человек, девушка здесь уже часа три, – вышибала положил парню на плечо руку, здоровую, как мое бедро, и вымогатель даже присел. – Так что или я и правда зову полицию, или ты отсюда линяешь. По-доброму. Усек?

Парень повернулся ко мне. Соппротивление было бесполезным, но столько злобы в глазах человека я не видела уже очень давно.

– Я тебя из-под земли, дрянь, достану... – начал он. Вышибале разборки тоже наскучили, он дернул парня в сторону, и в этот момент в зале появились несколько человек.

Того, кто подбежал к нам первым, я узнала с полувзгляда, и на этот раз никакой ошибки быть не могло. Густые темные волосы на косой пробор, характерные широкие брови, большие темно-карие глаза, прямой нос, четкие скулы, чувственные губы... О боже, губы-то здесь при чем?

– Вы – Никита Басов? – спросила я, и слова от нервов оцарапали горло, а лже-Никита от неожиданности выронил бумажник, который тотчас подобрал один из тех, кто подоспел вместе с настоящим Басовым – худенький парнишка в очках, наверное, референт.

– Ты что, не глухая, что ли? – взвыл лже-Никита, и два других парня из свиты Басова ловко выдернули его из хватки вышибалы и заломили ему руки. – А ты, блин, козел!..

Охранник Басова приложил его в солнечное сплетение, и лже-Никита согнулся и захрипел. Посетители ресторана зря времени не теряли, со всех сторон сверкали вспышки, подросток с телефоном подлез под руку вышибале, администратор стремительно бледнел и крутил головой, утирая лоб белоснежным платочком. Шансов, что в сети через пару минут не появится лучшая реклама его заведению, не оставалось уже никаких.

– Спасибо, – кивнул Басов вышибале, потом остальным сотрудникам, затем посмотрел на меня и кивнул еще раз. – Парни, уводите его. Господа и дамы, прошу прощения за недоразумение, – громко объявил он на весь ресторан, – за это недоразумение, я имею в виду, – и снова кивнул на лже-Никиту, которого уже волокли из зала прочь, а затем забрал у референта бумажник и даже не заглянул в него. – Пожалуйста, всем десерт и кофе за мой счет, – это он сообщил уже администратору, на лице которого читалось «а мне бы чего покрепче». – Вы Юлия? Простите еще раз. Если позволите, я вам все объясню.

Я пожала плечами и машинально начала собирать со стола документы. Официанты засуетились, референт Басова ушел, администратор убрался зализывать моральные раны, посетители живо обсуждали произошедшее и ругали паршивый вай-фай.

Я села, запихнула планшет и документы в рюкзачок и недовольно заметила:

– Все это, как вы понимаете, утекло в сеть. Мне дорого обошелся ваш бумажник. И если вы продолжите обвинять меня в воровстве...

Басов сел – не рядом со мной, а напротив, положил перед собой бумажник, несколько раздраженно отодвинул в сторону меню, которое ему подсунула официантка. Он молчал и смотрел на меня оценивающе, и мне стало не по себе.

Я не могла бы назвать его взгляд сальным или похотливым, не сказала бы, что подозрительным. Так смотрят на статусную вещь или породистую лошадь – или, быть может, еще на сотрудника отеля или мишленовского ресторана, которого то ли предъявлять дорогим гостям, то ли нет. Он словно прикидывал, насколько можно быть со мной откровенным, и меня выбесило это настолько, что я откинулась на спинку дивана и скрестила на груди руки.

Басов открыл наконец бумажник, покачал головой и бросил его на стол.

– Его вчера швырнули в мою машину на парковке в центре, и денег в нем не было, – мрачно изрекла я. – Как вы понимаете, бумажники не крадут для того, чтобы успешно пройти инфоцыганский курс. Был паспорт, – и я под пристальным взглядом Басова залезла в рюкзачок, вынула паспорт и торжественно, как регистратор в загсе, вручила владельцу.

И только сейчас поняла, что не посмотрела – женат Никита Басов или нет.

Какая мне разница? Я еще до суда не довезла свой собственный развод.

– Кофе, стейк, гарнир на ваше усмотрение, минеральную воду, – небрежно бросил Басов официантке, – и девушке?.. – он вопросительно посмотрел на меня.

– Девушке объяснения, – вздернула я подбородок.

– Ну, тогда давайте начнем, – покладисто согласился Басов и улыбнулся. – Я Никита Басов, и паспорт, милая Юлия, украли не у меня.

Глава 7

В моей чашке еще что-то оставалось, я отхлебнула давно остывший кофе и приказала себе не нервничать. Не стоит торопить события, не надо суетиться, все прояснится, как минимум я узнаю, что за чертовщина только что произошла.

– Я вчера отправил Володю... того самого, за которого еще раз прошу у вас прощения, кое-что сделать от моего имени. К сожалению, хотя он и давал мне слово, и не один раз, дурную привычку он не изжил.

Официантка поставила перед Басовым кофе, взглянула на меня, я вернула ей пустую чашку и кивнула. Мне предстоит суетный день, лучше по самые уши залиться кофе сейчас, чтобы дожить до вечера.

– Я представляю, где и почему у него вытащили бумажник, – продолжил Басов, едва официантка отошла. – Где-то в районе Круглой площади, потому что в этом районе его засекли уже не раз... Там букмекерский клуб. Не подумайте, все законно, ставки идут на спорт, но мне от этого не легче. Володя не единожды проигрывал деньги, отдавал потом, пусть и со скрипом, или я вычитал из его зарплаты, но вчера ему возвращать было нечего.

– Вы, однако, добросердечный, – хмыкнула я. Странную историю я слушаю, очень странную. – Человек делает ставки на ваши деньги, вы прекрасно знаете о слабости вашего... сотрудника, потакаете ему своим всепрощением, пока вот случайно, конечно же, карманник не подкарауливает его именно там, где водятся люди с хорошей наличкой, и у вас срывает крышу. У меня появилось много вопросов, хотя я и понимаю, что это не мое дело и вы не ответите. Ну, пусть так.

Не потому ли Володя крикнул «Ах ты, козел!» и моментально получил под дых?

– Вы полицейский? – Басов даже отставил от губ свою чашку, и на мгновение вид у него стал растерянным.

– Похожа? – я улыбнулась. Произведенное на него впечатление впечатлило меня саму, ах да я. – Нет, разумеется. На дуру, надеюсь, я тоже не смахиваю.

– Намекаете, что смахиваю я, – морщась, кивнул Басов. – Ну, где-то вы правы. Потому что когда я вчера узнал, что нет ни сделки, ни денег, ни моего паспорта, терпение у меня лопнуло. Эта сделка была для меня крайне важна.

Важна настолько, что ты поручил ее третьему лицу. Не нотариусу, не юристу, не заместителю, не референту, а какому-то мальчику на побегушках. Отлично зная, что он не упустит возможности тут же пустить наличку в ход.

Но все возникшие к Басову вопросы я действительно тут же затолкала куда подальше, и дело было не в любопытстве, не в поспрашивании норм приличия. Передо мной сидел – буду честной, потрясающе красивый, породистый мужчина. Не из тех, у кого бицепсы культуриста и татуировки по всему телу, не из тех, кто выжил в лихие девяностые и успешно легализовался, и не из тех, кто выражаться умеет исключительно производными от трех зацензуренных слов.

Он не из тех, кого встретишь в глухой подворотне – и удрать хочется инстинктивно, потому что единственный оставшийся у человека инстинкт – самосохранения. Кто-то, возможно, назвал бы Никиту Басова «интеллигентом» – и сильно ошибся. За холеной, роскошной внешностью абсолютно благополучного миллионера крылась несказанная жестокость, и я понимала это по жестам, интонации и глазам. Завораживающим и ничего человеческого не выражающим.

– И что вы теперь с ним будете делать?

– Уволю, естественно, – легко отозвался Басов. Подошла официантка, расставила заказ, я подумала и попросила принести семифредо – гулять так гулять! Басов разглядывал удаляющиеся роскошные формы девушки без малейшей мужской заинтересованности – так смот-

рел бы продюсер или модельер: пойдет на роль или модель для показа? Официантка увлекла Басова так сильно, что отвечал он мне теперь словно сквозь зубы: – Сначала он возьмет кредит, чтобы со мной рассчитаться, а потом я его уволю, и пусть дальше как знает. Я, конечно, сочувствую его тете, она давно работает у меня, порядочная, трудолюбивая женщина, а такого племянника не пожелаешь и врагу.

Официантка скрылась, Басов повернулся ко мне, и вот теперь я поняла, что значит «стоит держаться от этого человека подальше». Нет, он не вызывал животный страх, как вооруженный террорист или наркоман. Он вызывал обоснованный страх. Вежливый, тактичный, сдержанный, но извращенно жестокий, и похоже, что ему собственный макиавеллизм доставляет наслаждение. Сходу придумать настолько изощренный план мести я бы не смогла, да и от Марка не ожидала. Заставить кого-то сначала взять кредит – чтобы без вопросов дали, чтобы у банка не возникло сомнений в платежеспособности, а затем вышвырнуть его за порог, скорее всего, по «черной» статье.

Нет, хамлу и идиоту Володе я не сопереживала, он сам напросился на подобный финал, я просто знала, что для таких, как этот Басов, не имеет значения, Володя ты или нет. Он даже про тетю, которой сочувствовал якобы, выдал для галочки.

Допивай, Юля, свой кофе, и семифредо пусть Басов сам лакомится.

Мне очень хотелось спросить, как Басов засек переписку со мной и влез в нее, но я вовремя прикусила язык. Наверняка подключил какого-нибудь штатного хакера, это несложно. Чем скорее я сверну эту беседу, тем лучше в первую очередь для меня. Я допила кофе, нажала на кнопку вызова официантки.

– За мой счет, – высокомерно сказал Басов.

Ну, за его так за его.

– Кстати. – Я подпустила в тон вальжной ленцы. – Вы обещали мне вознаграждение. В том сообщении, которое, надеюсь, мне отправили вы, вмешавшись в нашу с вашим Володей переписку.

Басов кивнул и полез в карман пиджака. Я про себя хмыкнула – неужели он носит наличку? Но нет, он достал телефон.

– Диктуйте номер.

Меньше всего мне хотелось делать именно это, но я напредила себе: мне нужны деньги. Даже этот хам Володя предложил двести баксов. Двадцать тысяч – треть, а то и половина арендной платы за месяц, носом крутить не вариант. И я продиктовала.

Басов открыл, как я поняла, приложение, забил мой номер, но сообщение на смарт-часы, что деньги пришли, я не получила. Он смотрел на меня и улыбался, я в ответ улыбалась тоже, и было в нашей дуэли взглядами что-то сейчас совсем неуместное.

Были искры. Те самые, о которых все говорят. Без флирта, без двусмысленностей, без недвусмысленностей. Просто... беги, Форрест, беги. Еще быстрее.

– У меня много дел, – выдавила я, – мне пора. Рада, что смогла вам вернуть паспорт. Если вдруг захотите обратиться в полицию, мой номер вы записали, дам показания, хотя я не уверена, что опознаю воришку. Было темно и он сразу удрал.

Мои законопослушность и обостренное чувство справедливости подведут меня под монастырь. Я забрала рюкзак, повернулась, чтобы снять с вешалки куртку, и услышала в спину:

– Вы как будто не сказали мне что-то, Юлия.

Глава 8

Да какого черта? Раздражение поднялось до критической отметки, но я сдержалась – удивительно.

– Приятно было познакомиться, пусть повод был... не самый подходящий. Всего доброго.

Я покидала ресторан и чувствовала, как на меня пялятся все, от работников кухни до посетителей. И Басов, я была уверена, смотрит мне вслед, и вовсе не потому, что если я сегодня поищу эти проклятые видео, то увижу себя в главной роли.

Что это было? Вот оно: я только что узнала, что для мужа я пустое место. Мне казалось, что это выдумка – после расставания новая прическа, новое платье, новый мужчина, но нет, оказалось, что чистая правда. Пустоту потребовалось чем-то срочно заполнить.

Возможно, я сама того не заметила, но у меня в адрес Басова был заинтересованный взгляд? На мне отныне написано, что я обманутая жена? Без пяти минут разведенка? Я уже на выходе быстро посмотрела на себя в зеркало: вроде бы нет, ничего во мне не изменилось, но не верить же мне в эти флюиды взаимности? Да и была ли взаимность, о чем это я?

И уж, конечно, я не собираюсь менять прическу, да и на платья у меня денег нет. И на капризы и прихоти у меня просто нет времени.

День завертелся как беличье колесо. Я снова наведалась в фотосалон, распечатала квитанцию об оплате госпошлины, узнала, где ближайшая почта, сходила туда, вернулась к машине, открыла сайт объявлений.

Предложений по аренде квартир было множество. Такого я не ждала и сильно сузила поиск, и должно же мне было начать везти: вторые же апартаменты были в доме, где сдавались еще и офисные объекты, так что я кликнула по ссылке и убедилась, что отличная студия предлагается в неплохом жилом комплексе практически в центре города, а на втором этаже этого же здания – прекрасный офис в двадцать квадратов, с мебелью и всем необходимым.

Цена откровенно и бесстыже кусалась, но подарками судьбы негоже разбрасываться, и я позвонила агенту и назначила встречу вот прямо сейчас. Приехала даже раньше, припарковалась и скрепя сердце, пока не успела передумать, запросила у банка рефинансирование кредита.

Что Басов так и не прислал мне вознаграждение, я вспомнила, только когда банк дал согласие. Ура, я получила еще немного денег в свое распоряжение и много-много лет финансовой кабалы. Теперь я доведу свой развод до конца, даже если наступит апокалипсис, иначе мне придется продать себя в рабство.

Никому рабыня за семь миллионов не нужна?

Все мужики козлы, подумала я, разгоняя в себе редкое жлобство. Разница в степени их козливости. Надо было договариваться с Володей, а хотя этот кадр был уверен, что я отбивала у карманника его кошелек с боем и матюками и все украденное присвоила себе. Куда ни кинь, всюду клин, и может, правда, что я утратила все обаяние? Вот и агент смотрит на меня как на источник дохода, ну что за срань!

Офис можно было снять хоть сегодня, а студию девушка освобождала лишь через неделю – она выходила замуж, и мы с агентом разминулись в дверях с взмыленным курьером, а посреди комнаты красовалось на манекене серебристое свадебное платье. Кто-то там наверху надо мной потешался, хлестал по щекам, изобретательно подсовывал испытания – я крепилась.

Я поздравила девушку, смею надеяться, искренне, осмотрела студию, отметила, что большего мне не требуется... Шкаф, кровать, небольшая кухонная зона, рабочий столик, удобный офисный стул. Заведу кота, вот в тот угол поставлю стойку, в ванную комнату – пластиковый лоток, и начало жизни сильной и независимой будет положено.

Пожелайте мне сорок кошек и доход, чтобы содержать без напряжения эту ораву. Все эти традиционные «любовь до гроба» и «женское счастье» – вещи несколько ненадежные. Прах и пепел, дыра в душе.

Я подписала обе сделки, тут же, не тратя времени, перетащила из машины в офис технику и документы, постоянно оглядывалась на себя в зеркала, корча, пока никто не видит, все новые и новые рожи – от гордой и неприступной леди до женщины, готовой на все, и когда ждала лифт, что называется, нарвалась.

– Куда такая красивая девушка и одна? – плотоядно облизывая меня взглядом, спросил какой-то клерк, демонстративно хвастаясь новеньким телефоном.

Как там – бойтесь своих желаний?

– К следователю на допрос. А что, под конвоем было бы лучше?

Клерк побледнел, но не сдался. Это был пикапер со стажем, но двоечник.

– Да не может быть! – притворно всплеснул руками он, но я уже отказалась от платья, стрижки и какого-либо романа. Все, мироздание, я верю, что со мной все хорошо, это Марк козел, убедило.

– Вот и я говорю, что не может. А следователь заладил – ваши отпечатки на топоре, вы мужа убили...

А хороший способ отвязаться, надо запомнить.

И как замечательно, что люди юридически безграмотны.

День закончился поздним ужином. Деньги есть, гулять так гулять, а Басов та еще дрянь, причем я у него ничего не просила, он сам предложил! Я лопала нисуаз и размышляла, что я за человек, если после предательства мужа, на грани развода, я страдаю из-за того, что мне не выплатили обещанное вознаграждение, и прикидываю, как долго я протяну на имеющиеся у меня деньги.

Разбирая себя по косточкам, я воткнула машину на свободное место, скормила коту-охраннику заранее купленный в магазине паштет, обошла здание и толкнула новогоднюю дверь.

Девушка за стойкой, увидев меня, подскочила, и я решила, что вышла накладка с чемоданами. Но сегодня, если не считать Басова, у меня складывалось все так хорошо, что еще одна неприятность должна была мое везение уравновесить.

– Вы Юлия? – мне навстречу шла женщина. – Вы Юлия Самарина?

Я помотала головой, потому что не брала фамилию мужа. Женщина осмотрела меня с ног до головы, я – ее. Красивая, хотя немного замученная, и одета вроде бы дорого, но безвкусно и будто с чужого плеча. Клиентка? Не может быть, как бы она меня нашла?

– Что вы врете? – простонала она. – Я же вас видела! На фотографии. Мне Марк показывал. – Она ткнула мне в грудь наманикюренным пальцем, я успела отскочить – что-то это начинает входить у меня в привычку. – Вы с ним разводитесь? Вот и разводитесь. Только учтите, что у вас ничего не выйдет. Я вам клянусь, я вас в тюрьму посажу.

Глава 9

Мироздание, мне все предельно ясно. Однажды я в сердцах сказала: «Муж козел, детей нет, денег нет, все паршиво» – ты именно так и исполняешь. Это были не желания, это нытье. Я все уяснила, я исправлюсь.

Понимая, что дамочка не в себе и еще одно скандальное видео с моим участием за сегодня будет перебором, я указала ей в глубину лобби. Там под растением, смахивающим на всесезонную елку, радостно сияла гирлянда и было полутемно.

– Вы извините, что я вот так сразу, – сказала я, когда женщина заозиралась, прикидывая, куда сесть так, чтобы было, если что, удобнее вцепиться мне в волосы. – Как вас зовут, как вы меня нашли, кто вам сказал, что за намерение развестись сажают? Вы в следующий раз внимательно читайте, о какой стране написана статья, а лучше вообще не читайте ничего в интернете...

Женщина хлопнула наращенными ресницами и поджала губы, сразу став лет на десять старше. Это что, и меня так портит недовольная физиономия?

– Мне Лариса сказала, где вас искать, – морщась еще сильнее, произнесла она. – Я села в такси и сообщила водителю, что буду сопровождать ваши вещи. – Она подумала. – Я вам это рассказала, чтобы вы в полицию не пошли. Вам не поможет.

У меня зачесалась рука – то ли вlepить себе самой фейспалм, то ли дать этой дуре по морде. Как ни странно, но я, поняв, что передо мной любовница мужа, причем беременная любовница мужа, не испытала к ней ничего, кроме равнодушной брезгливости.

– Откуда вы знаете Ларису?

Морщины на лице моей счастливой соперницы растеклись в надменное выражение, и выглядеть она стала еще старше.

– Я из «Кэпитал клининг». Я не один раз была у вас в доме, Юлия! Я вывозила ваше дерьмо, чистила и переглаживала ваши понтовые шмотки. Больше того, ребенка я зачала в вашей кровати...

Я слушала ее монолог – с плохо скрываемыми торжеством и злорадством – и думала о том, что ощущаю я. Ненависть? Злобу? Отчаяние? Пустоту? Казалось, то, что я узнала только что, должно меня прикончить, но нет, я получила ответ и он сделал меня сильнее.

Марк спутался с сотрудницей клининговой компании. Это пока я бегала по судам и разводила клиентов. В какой же момент Марк оказался дома, а я – нет? Да в любой, если эта безымянная до сих пор... стерва задержалась, Марк приехал, а я, как это часто бывало, встречалась с клиентом после его работы.

Вот почему Марк так уверенно заявлял, что заплатит этой женщине копейки. Вот почему он был убежден, что уговорит ее отказаться от ребенка. Он посчитал, что любовницу при ее уровне жизни устроит то, что он распланировал, но вот ее собственные амбиции не учел.

Злость появилась, но на мужа. На его какие-то дикие планы. На его неоправданный апломб. На его решения за других. Марк всегда и за всех все решал, я, кажется, была исключением, но именно что кажется – не была.

– Какой у вас срок? – перебила я. – Марк показал мне тест на беременность... фото, которое вы прислали. Но тесту может быть не одна неделя. Неизвестно, сколько вы телились, прежде чем осчастливить будущего отца.

– Девять недель. Я знаю, что мне положено по закону. Я знаю, что вы юрист, и знаю, что вы хотите откусить приличный кусок от состояния Марка.

Я кивнула. Ну, хотя бы это она понимает. А дальше? Дальше это дело их двоих. Меня, пожалуйста, оставьте в покое, я не собираюсь лезть в ваши разборки.

– Так вот, Юлия... Я хочу вас предупредить, что меня это совсем не устроит. Вы разведетесь, но не пытайтесь претендовать на имущество Марка. У вас ведь все равно нет детей.

Интересно, это Марк растрепал ей о моих проблемах? На него не похоже, он довольно скрытный человек. Или Лариса вместо окон перемывала мне кости – вместе с сотрудницами клининга? Я простучала мелодию по деревянному подлокотнику. Я неправильная брошенная жена. А может, все потому, что это я Марка бросила?

Но рассказывать этой женщине о том, в чем меня уверял Марк, я не стану. Хотя бы потому, что я знаю – он на своем будет стоять бесконечно долго. Он все еще ждет, что я побегаю и приду. Не дождется.

– Зачем вам столько денег... Вы не сказали, как вас зовут.

– Ирина. А вам? На тряпки? На отпуск? На машину? На что еще? – пожала она плечами. – Я дам ребенку образование. Детям. Марк хочет детей, я это знаю.

От Ларисы. Первое, что я сделаю, если Марк победит и я вернусь, это выставлю ее вон по рецепту Никиты Басова. Может быть, предъявлю счет за испорченную вещь или шмотку – и выставлю.

Мне всегда говорили, что я быстро учусь. Для меня открытие, что я злопамятна.

А еще я умна, думала я, слушая наполеоновские планы Ирины на жизнь. И вместо того, чтобы сразу раскрыть все карты, я промолчу и пораскину мозгами. Вывести ее на истерику и скандал – легко и просто, но мне это ни к чему. Пусть пытается женить на себе человека, который признался мне пару лет спустя после нашей с ним свадьбы: он специально свернул с магистрали в загс, признавая, что вряд ли подвернется другой момент, и вряд ли в будущем он вообще решится оформить наши отношения официально.

Марк любил меня, а я его, но брак не входил в наши планы. Это было стечение обстоятельств... Счастливое, как мне казалось тогда, в первую очередь потому, что мы как-то оба одновременно согласились на то, чтобы стать мужем и женой.

– Если вы попытаетесь разделить имущество, я вас посажу, – выхватила я из трепа Ирины и встрепенулась. Мне стало профессионально интересно – есть то, чего я не знаю, и если не знаю, то почему?

– Как?

– Милочка, да мало ли способов? – по-простецки всплеснула Ирина руками. Выглядела она смешно, все же вещи нужно уметь носить... или ограничиться дорогим, но скромным «кэжуал», который хозяйки элитного жилья не хотят больше держать в своем гардеробе. – Вы оглянуться не успеете, как сядете. А я знаю, что вас тогда разведут через загс, без всякой дележки.

Хотя бы не угрожает, что вывезет меня в лес, хмыкнула я, чтобы меня не нашли ни с одной собакой. Признают безвестно отсутствующей, и все, пусть это потребует времени.

– Вы куда? – удивилась Ирина, потому что я встала и отряхнула джинсы. Неосознанный жест, словно я хотела очиститься от всей этой грязи. Мне вещи еще разбирать... или не стоит? Но в одном и том же все равно не буду ходить. – Я еще не закончила!

– Ваши проблемы, – бросила я через плечо и направилась к стойке администратора.

Пока я продлевала проживание, пока искали консьержа, чтобы он отнес чемоданы наверх, пока я просила администратора повлиять на жильцов других номеров, потому что спать в таком шуме невыносимо, Ирина из глубины лобби метала в меня громы и молнии. Я стоически выносила – черт с ней, мечтать она может о чем угодно. В этот момент, вероятно, мысленно она меня расчленила и привязывала к дереву, и насыпала вокруг сугроб, или сбрасывала беспомощную меня в болото. На большее фантазии ей не хватит, как ни старайся. В конце концов моя соперница ушла, и я вздохнула – видела я ее далеко не в последний раз.

В номере я почувствовала, что меня трясет. Это был настоящий озноб, как при болезни, и я испугалась своего состояния так сильно, что тут же позвонила администратору и попросила

принести мне что-нибудь от простуды. Потом я проверила холодильник – горничная молодец, надо будет снять наличные и оставить ей хорошие чаевые, кофе, конечно, с утра будет холодный, не сказать – ледяной, но это же лучше, чем ничего.

Остаток вечера, медленно ползущий к ночи, я посвятила разбору чемоданов. Лариса все сделала, как я сказала, вещами я была обеспечена, деньгами пока что я обеспечена тоже – теперь нужно думать, как возвращать долг.

Реклама, нужна реклама. Я вспомнила про посетителей ресторана, бросила все, схватила телефон и проверила по ключевым словам видео, но оказалось – ничего. То ли владельцы ресторана уже все подчистили, что сложно, но осуществимо, то ли все-таки публика в этих местах сознает, что лучше таким образом себя не подставлять и репутацию не портить.

Не откладывая дело в долгий ящик, я написала Алисе, рекламщице, что необходимо сделать в ближайшие дни, и попросила ее забить на сайт новый адрес. Потом я вернулась к разбору чемоданов – несколько вещей я отложила прямо на диван и оставила запрос на глажку. Одни расходы и никакого просвета, всхлипнула я, машинально расправляя мятый рукав пиджака.

Самое странное, что Марк не звонит. Он же места себе не находит... наверное. А может, готовит какую-то дрянь. Телефон неожиданно пискнул, я вздрогнула, и это было уведомление от приложения банка. Никаких денег я ни от кого не ждала, разве что...

Я развернула уведомление, чтобы прочитать его целиком, и моргнула – мне показалось, что зрение подводит, но нет, я воспринимала все, что видела, адекватно.

Это кто-то другой плохо воспринимает реальность. Какого черта? Басов действительно вспомнил обо мне, спасибо ему большое, но черт возьми, что это за сумма?

Глава 10

Пять рублей?.. Да он издевается.

У меня вырвался истерический смешок. Это даже не подачка, а...

«Дорогая Юлия, остаток я отдам вам при»...

Я протерла глаза и вошла в приложение. Пока оно загружалось, пришел еще перевод на такую же смехотворную сумму, но зато я смогла прочитать продолжение.

«Личной встрече. Увидимся завтра в»...

Я села прямо на приготовленные для прачечной вещи. Я кусала губы и безумно хотела заорать, и останавливало меня только то, что я сама не далее как пару часов назад жаловалась на шумных соседей и слышимость как в бараке.

«Клуб “Вересковый мед”, 21.00».

Итак, я получила немаленький всплеск адреналина, кучу проблем и пятнадцать рублей из-за паспорта человека, который отправил раздолбая и игрока совершать какую-то сделку. Стоит сжечь свой диплом, если я куплюсь еще и на это обещание вознаграждения при личной встрече. Понятно, почему Басов не прислал сообщение – чтобы я не узнала его номер, но место! Какой-то клуб, я их ненавижу. Музыка, излишне веселые люди, шум, грохот и состояние всеобщего балдежа. Подобных мест я всегда избегала, они действовали на меня удручающе, и если Басов хотел выбить меня из равновесия, я его поздравляю, ему это заранее удалось.

Мне катастрофически нужны деньги. Хотя бы для того, чтобы закрыть кредит. Для того, чтобы иметь запас, для того, чтобы не чувствовать себя уязвимой перед Марком. Сколько ты собираешься мне отстегнуть от барских щедрот, Никита Басов, и стоят ли мои нервы и мое время этих денег?

Всю ночь я проворочалась, не сказать, чтобы не могла уснуть, но спала поганно. Снилось муть, непохожая на правду, нереальная, неприятная, хотя в самих снах не было ничего ни пугающего, ни запоминающегося. Я проснулась в десять утра вся разбитая и первым делом полезла проверять почту и сообщения.

Ничего. Практически ничего, кроме запроса с сайта от потенциального клиента, и хотя на первый взгляд вопрос у него был пустяковый, он моментально согнал морок и головную боль. Я назначила клиенту встречу в новом офисе, выпила холодный кофе, привела себя в порядок, вспомнила, что нужно снять наличку, и перво-наперво сделала именно это, а затем зашла в отличное кафе и превосходно позавтракала.

С клиентом, аккуратным, педантичным мужчиной средних лет, я встретилась, как и предложила ему, в два часа. До этого срока я успела написать статью для своего сайта, пообщаться с Алисой по поводу рекламы и даже занялась набросками новой статьи. Сколько копирайта я ни заказывала, мне приносили откровенную чушь, и я предпочла тратить свое время, а не репутацию, да и времени, если честно, было полно.

Клиент пришел без двух минут два, положил передо мной объемную папку, передал копии всех документов, без лирики и отступлений рассказал о своей проблеме – пропущенный срок вступления в наследство. Солнце проникало сквозь жалюзи и рисовало над головой клиента нимб – такие экземпляры попадаются исключительно редко, настолько, что меня так и тянуло его пощупать. Он не может быть правдой. Так не везет. Клиент дождался, пока я напечатаю ему исковое, разберу и разложу документы, распечатаю квитанцию на оплату госпошлины и адрес суда, спокойно достал телефон и выполнил перевод на сумму, которую я запросила.

Он ушел, а я откинулась на спинку кресла. Счастливый офис! Очень счастливый. Не то чтобы хватит одного такого клиента в день, чтобы разделаться с долгами, тут нужно хотя бы пять-шесть, но начало положено.

Подмывало выпить шампанское, но я за рулем, а вечером должна увидеться с Басовым. И чем ближе стрелка часов подбиралась к шести, чем ниже склонялось солнце, тем сильнее накрывала меня неясная тревога.

Этот клиент был знаком свыше. Не надо лезть туда, где мне не место. Не стоит заигрывать с обстоятельствами, когда ты не знаешь, насколько они против тебя. А другая Юлия, та, которая вдруг очнулась, которая не хотела ничего решать, а мечтала о платьишке, шпыняла меня – надо бы переодеться, причесаться, нанести лоск.

– Я самая бессердечная и меркантильная, – уговаривала я себя, когда спускалась на лифте. – Мне платят все, и мужчины, и женщины, а если бы крокодилы имели банковский счет, то они платили бы мне тоже. Жизнь это не фунт изюма, это фунт лиха, и как бы мне уравновесить эти весы, потому что пока килограмм чугуна тяжелее килограмма сахарной ваты...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.